

Кол. у. Б. М. О. Г. и др. (вкл.) - 1997. 26 марта

СЦЕНОГРАФИКА

В «театре детской скорби» Золушка никогда не дождется Принца

Недавняя премьера Александрина «Горе от ума» разделила театральный Петербург на две непримиримые стороны. Ревнители классики, едва дождавшись антракта, бегут подальше от театра. Зато ценители изысков одобряют слоистый сценический пирог, в котором режиссер Анатолий Праудин соединил несколько редакций Грибоедовского текста.

— Ох и ругаются, наверное, школьные учителя, когда в финале Чацкий повисает на люстре! — сочувствую режиссеру.

— Учителя интересуют меня во вторую очередь. Все-таки спектакль не для них, а для тех, кого они приводят в театр, — для детей. И потом, среди учителей я не наблюдаю повального идиотизма.

...И «Горе от ума», и ранее поставленный «Месье Жорж» по мотивам «Героя нашего времени» вписываются в концепцию провозглашенного Анатолием Праудиным «театра детской скорби». Так же, как и «Повести Белкина», которые режиссер сейчас репетирует в недавно вверенном ему Петербургском ТЮЗе. Все эти спектакли об одном — о беспомощности человека перед судьбой и тщетности благих намерений.

— Не слишком ли жестоко по отношению к детскому зрителю? — спрашиваю режиссера.

— В театре моего детства меня заверяли, что если я буду любить родителей, не обижать животных и много работать, то жизнь обязательно завалит меня подарками. С этой иллюзией я долго жил и расставаться с ней было очень тяжело. Думаю, не нужно ничего обещать человеку с самого раннего возраста.

— Но ведь так можно удариться в другую крайность и вселить в детей пессимизм!

— Это не пессимизм, а оптимизм. Ничто так не издергивает, как обманчивая надежда. Зато отказ от иллюзий дает

покой и волю. И об этом нужно говорить как можно раньше.

Во всей красе Анатолий Праудин продемонстрирует зрителю театр жестокости только в следующем сезоне на примере классических сказок. Его «Золушка» будет про то, что принцев нет и не будет, а с добрыми феями тоже большая проблема.

— «Театр детской скорби» — это не революция, скорее эволюция. ТЮЗы уже лет десять назад интуитивно свернули на эту дорогу — спектакли стали мрачными, тяжелыми, с неоднозначной этикой. Я лишь сформулировал то, чем живет сейчас детский театр.

Анатолий Праудин буквально воспринимает постулат Станиславского о том, что театр начинается с вешалки. Уже в гардеробе и фойе зритель должен «перестроиться», понять, что он не в парке и не на дискотеке. Ради этого объявлен конкурс на новый интерьер ТЮЗа.

— Подросток переступит порог театра и сразу попадет в атмосферу другого пространства, — комментирует задачи конкурса режиссер. — И чем больше оно будет шокировать, тем лучше — надо выбить зрителя из повседневного ощущения.

Не знаю, как на детей, а на меня вид будущего театрального фойе на макете художника Коротеева произвел сильное впечатление. В кривых зеркалах сжимаются и разжимаются стены, скрежещут железные маховики, огромные овалы и треугольники напользают друг на друга. Всюду стекло — треснувшие гигантские вазы, колбы, мензурки...

— И что же, — интересуюсь робко, — юный зритель к этому всему может приложить руку — тюкнуть, бахнуть, грохнуть?

Режиссер утвердительно кивает.

Татьяна МАКСИМОВА.
Санкт-Петербург.